

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Ядовитая паутина

«Научная книга»

Серова М. С.

Ядовитая паутина / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Серова

Ядовитая паутина

* * *

Все же как порой неожиданна и непредсказуема наша жизнь! Воистину, пути господни неисповедимы! Как порой самые казалось бы рядовые и обыденные вещи и явления могут поворачиваться к нам совершенно неожиданной стороной. Побывав не в одной горячей точке бывшего Союза и за его пределами, я уже мало чему удивлялась. Но могла ли я предположить, что такое мирное и безобидное занятие, как преподавание иностранного языка, может потребовать от меня знаний и умений телохранителя и детективных способностей?!

...Я лежала в тени на розовом песке городского пляжа и нежилась под легким речным ветерком. Медленно и лениво лето перевалило за середину. Раскаленное солнце уже не первую неделю безраздельно властвовало на безоблачном небе и успело за это время превратить город в некое подобие гигантской сауны. Близился август – время отпусков, и солнце немного сбавило свой чересчур уж жаркий пыл. Очертания домов и деревьев вдалеке стали четкими и не колебались, подобно миражам, из-за поднимавшихся вверх вертикальных потоков нагретого воздуха. Но днем улицы города по-прежнему были почти безлюдны. И хотя изнуряющая жара уже отступила, а ближе к вечеру от реки тянуло приятной свежестью, деловая жизнь практически застыла или, во всяком случае, существенно сбавила свои обороты.

Естественно, что самым прямым образом это коснулось и меня. После обучения в закрытом учебном заведении, сокращенно называемом «Ворошиловкой», и нескольких лет спецкомандировок в составе отряда «Сигма» по горячим точкам, включая Афганистан и Ближний Восток, я так же, как некоторые мои подруги, ушла из него. Сейчас многие из нас занимались кто чем, а я оказалась в Тарасове – крупном, почти с миллионом жителей, городе в центре России. Жила я у тети и зарабатывала на хлеб, работая независимым частным телохранителем, о чем свидетельствовала выданная местной администрацией лицензия, гласившая, что «...Охотниковой Евгении Максимовне разрешена частная охранная и розыскная деятельность...». Работала я успешно и уже имела определенную известность и неплохую репутацию в так называемых соответствующих заинтересованных кругах, об этом сами за себя говорили отметки на лицензии о продлении сроков ее действия.

Недостатка в клиентах я не испытывала и даже иногда могла позволить себе, что называется, воротить нос, то есть отказывать. Но жара и наступивший сезон отпусков загнали рынок охранных услуг в глубочайшую депрессию, и предложений на работу не было. Поэтому после нескольких недель безуспешного ожидания я поддалась общей отпускной тенденции и устроила себе летние каникулы.

Я нежилась и подрумывалась на пляже, резвилась в воде, беззаботно гуляла в парках и с аппетитом поглощала мороженое под зонтиками многочисленных летних кафе. Одним словом – отдыхала. И заодно восстанавливала внутренние запасы адреналина, который, когда придет время работы, выплеснется в кровь, заставит быстрее стучать сердце и сокращаться мышцы, а когда опасность останется позади, обеспечит то самое неповторимое состояние особого блаженства и внутренней истомы, из-за которого, если разобраться по существу, многие идут работать в спецназ, милицию, прыгают с парашютом, занимаются альпинизмом. Другие люди добиваются того же самого водкой, наркотиками, сексом и называют это чувство отходняком. Но ни одно из этих развлечений не может сравниться с тем состоянием, которое возникает после преодоления смертельной опасности.

Мне двадцать восемь лет, и, несмотря на бурное прошлое, я пока не испытывала тяги к спокойной тихой жизни; по-видимому, мой жизненный запас адреналина еще не был израсходован окончательно.

В этот день, вернувшись с пляжа, я почти с порога сбросила летние сандалии и шорты и уже собралась пойти в ванну, чтобы подставить голову и спину под прохладные струйки душа, как вдруг неожиданно заметила на лице тетушки Милы таинственную улыбку и загадочный блеск в глазах. Она шла ко мне из кухни и очень походила на добрую бабушку, собравшуюся побаловать любимую внучку чем-то необычайно вкусным. Такого блеска в ее глазах я не замечала уже давно. Уж не влюбилась ли она и теперь торопится поделиться со мной этим радостным известием? Ну что ж, это и не мудрено при таком избытке солнечной активности.

– Женечка, – остановила она меня у двери в ванну, просто сияя вся изнутри.

– Да, тетушка, – ответила я и приготовилась снимать купальник.

– У меня для тебя отличная новость, – так же загадочно продолжала она.

– И какая же?

Неужели мои глупые догадки оказались правдой? Тетушка сделала лицо еще более загадочным, для усиления эффекта выдержала небольшую паузу и, наконец, выпалила почти на одном дыхании:

– Валерий Павлович работает в Танзании!

Валерия Павловича она почти боготворила. В свое время тете собирались делать большую и очень сложную операцию, исход которой был три к одному, причем, не в ее пользу. Валерий Павлович был начальником отделения в этой больнице и чуть ли не силой забрал ее практически с операционного стола. Затем он несколько суток не отходил от нее и сумел выходить. И, как выяснилось, оказался прав: диагноз был ошибочен, и операция для тети стала бы просто путевкой на тот свет. С тех пор тетя Мила постоянно звонила ему, поздравляла со всеми праздниками и днями рождения.

– Представляешь?! Валерий Павлович работает в Танзании! – повторила она, желая, по-видимому, чтобы я поглубже прониклась значимостью этого известия.

Я, если и прониклась, то явно, на тетин взгляд, недостаточно глубоко. Но после пляжной неги у меня было радостно-игривое настроение, и я, не желая расстраивать Милу невниманием к ее кумиру, сделала радостно-изумленное лицо, слегка подалась к ней и воскликнула:

– Правда?!!

Однако не удержалась и добавила, уже смеясь:

– И кем же? Танзаном? Или, точнее, Тарзаном?

Тетя на мгновение смутилась, не сразу поняв шутку, а поняв, наверное захотела сказать что-то не очень лестное про мои школьные отметки по географии, но радостное возбуждение так переполняло ее, что она просто не стала терять на это время.

– Женя, – произнесла она с недоуменной укоризной, – Танзания – это такая страна в Африке. При этом она махнула в сторону окна, как бы показывая, что где-то там, в той стороне, за окном, есть такая Африка с неизвестной мне Танзанией и боготворимым ею Валерием Павловичем.

Где была Танзания, я великолепно знала. И не понаслышке. Однажды мне пришлось побывать в Восточной Африке в составе «Сигмы» как раз на границе Танзании и Кении.

– Он был там три месяца по линии какой-то ООНовской организации и нашел себе работу на год в хорошей частной клинике.

Я была рада за спасителя моей тети, хотя и не разделяла ее бурного восторга: наверное, невозможно забыть пятидесятиградусную жару при восьмидесятипроцентной влажности, когда просто физически нельзя пропотеть и, как следствие этого, чуточку остыть. Создавалось ощущение, что ты находишься в резиновом мешке. А если добавить к этому девственные джунгли, кишашие тропическими инфекциями и населенные современно вооруженными, но

подчас дикими народностями, которые до сих пор поедают печень убитого врага, чтобы пополнить его силу, то картина становилась не столь радужной. Впрочем, ближе к побережью все менялось и приобретало практически европейски цивилизованный вид, увенчанный стопятидесятилетним столичным университетом. Тем не менее, связь между Валерием Павловичем, Танзанией, мной и тетушкиной радостью по этому поводу по-прежнему оставалась для меня загадкой.

– Так вот, – продолжала тетя, – ты не знаешь самого главного – у него есть сын!

– Да? И от кого же? От местной черной женщины?

Как мне было известно из западного «Сексуального путеводителя по странам мира», если бы не почти пятидесятипроцентная пораженность населения СПИДом, страны Восточной Африки своей фантастической дешевизной и жарким темпераментом чернокожих женщин оставили бы Таиланд – столицу мирового секс-туризма – далеко позади.

Тетя рассмеялась.

– Да нет, Женя. Ребенок у него абсолютно нормальный и даже, – тут она приняла мой шуточный тон, – от белой женщины, которая по странному стечению обстоятельств, к тому же, является его женой.

– Это надо же!? Чего только не бывает в жизни, – притворно вздохнула я.

Теперь глаза тети перестали улыбаться, лицо стало серьезным, а затем приняло просяще-умоляющее выражение.

– Женя, я, конечно, в курсе того, что ты сейчас отдыхаешь, но ты же знаешь, как я обязана Валерию Павловичу, – начала она, преданно заглядывая мне в глаза.

Разумеется, я знала, и подтвердила это ленивым кивком головы.

– Так вот, он хотел бы попросить тебя, чтобы ты позанималась с Андреем, – тут она запнулась и взяла бумажку с записью, – сулахили.

– Суахили, – поправила я.

– Да, да! – обрадованно закивала Мила и, как будто боясь, что я сразу откажусь, стала торопливо приводить все аргументы «за»: – Он хороший умный юноша, знает английский, ты ведь уже какое-то время ждешь клиента, а тебе прилично заплатят. Ты же понимаешь, что сейчас все преподаватели в отпуску... И, вообще, в этом городе ты, возможно, единственная, кто знает сула... сулахили.

– Суахили, – снова поправила я ее.

Это на самом деле могло быть так. Переводчиков суахили в стране действительно не очень много. В «Ворошиловке» языковая подготовка была весьма серьезной, и ее выпускники – все без исключения – стали полиглотами. Хорошее знание одного восточного языка и приличное владение вторым были просто обязательными. Знание же пяти-шести европейских считалось само собой разумеющимся. Вместе со своей подружкой по учебе в качестве первого мы выбрали суахили, а вторым – арабский. Причем главным аргументом, решившим выбор, были ее слова, что в Африке мы будем «белыми людьми», а у арабов останемся лишь «недостойными басурманскими женщинами». Впрочем, арабский впоследствии также пришлось усовершенствовать, но только уже не в учебном классе.

– Он очень способный юноша и будет старательно заниматься, – торопясь сказать мне все, прежде чем я войду в ванну, скороговоркой продолжала тетя, – он учится в университете... на психолога! – наконец торжествующе закончила она с таким видом, как будто последний аргумент должен был просто сразить меня наповал.

Сейчас вся обстановка и тетин вид страшно напомнили мне сцену из отличного советского вестерна «Белое солнце пустыни», где красный командир Рахимов уговаривает Сухова взять под свою опеку гарем: «Ну, пойми же ты наконец: сейчас, может, на двести верст вокруг никого наших нету». И я, как Сухов, уже зайдя в ванну и сбросив купальник, ответила:

– Это точно...

Сидя в ванной и наслаждаясь струйками прохладной воды, я думала об одном из вечных русских вопросов: ну почему, если не всегда, то, по крайней мере, очень часто, когда человеку что-то необходимо – этого нет, а стоит ему расхотеть – так, пожалуйста, – бери, не хочу? Сидишь – ждешь клиента – мертвая тишина, устраиваешь себе каникулы – и работа тут же сама идет к тебе. Хоть и не по основному профилю. Но любой имеющийся навык, в том числе и знание суахили, всегда стоит поддерживать в форме: неизвестно, что ждет тебя завтра за поворотом судьбы. Так говорил один из инструкторов «Ворошиловки», сам в прошлом резидент в одной ближневосточной стране. Он находил время для поддержания «в теле» такого, казалось бы, бесполезного в мусульманском мире навыка, как умение показывать карточные фокусы. Затем, получив ранение, вернулся на родину и учил курсанток «Ворошиловки» игре в бридж, покер, преферанс и разным шулерским приемам, которые сам называл «мульками». Кстати, именно его уроки помогли мне позднее распутать одно дело в крупном казино, и благодарный хозяин сверх гонорара предоставил мне свободный вход, бесплатный коктейль и десять фишек на вечер в любой день.

А Валерий Павлович был прав, и я могла убедиться в этом на личном опыте, – часто даже плохой суахили в Африке оказывался предпочтительней хорошего английского. Видимо, он не зря провел там три месяца. К тому же, мы могли прекрасно изучать язык, не прерывая моего отдыха: пусть юноша ходит со мной и осваивает его на практических примерах пока нашей, а не африканской действительности. В общем, выйдя из ванной, я уже внутренне дала согласие. Естественно, абсолютно не предполагая, во что может, при определенных обстоятельствах, вылиться летнее изучение африканского языка в обычном российском городе.

Прошло несколько дней...

– Женя, – сказала Мила уже от дверей, – пойду посижу немного на улице.

– Хорошо, тетя, только возьми ключи – я скоро уйду, – ответила я из комнаты.

Я открыла шкаф, достала необходимые принадлежности для грима и затем придирчиво осмотрела их. Отобрав все, что необходимо, остальное положила обратно. После нашего недавнего разговора с тетушкой и звонка Валерия Павловича я окончательно согласилась дать несколько уроков языка его сыну Андрею. Валерий Павлович был очень вежлив и даже галантен – насколько это возможно по телефону (теперь я могла понять тетину влюбленность), и предложил за уроки цену почти в два раза превышающую обычную. Поговорив затем с Андреем и выяснив, что он имеет несколько простеньких учебников, я дала ему домашнее задание и предложила для первого практического занятия встретиться сегодня в городе, чтобы не мешать сборам и отъезду родителей.

Я подошла к телефону и набрала номер Андрея. Он взял трубку практически сразу, как будто ждал этого.

– Ну как? Ты готов сегодня? – спросила я.

– Конечно.

– Ну, что ж, отлично. Кстати, есть ли у тебя права?

– Да, – недоуменно ответил он, – а это обязательно?

– Прихвати их с собой, ладно? – ничего не объясняя, попросила я. – Сегодня начнется твое первое погружение в языковую среду.

Затем я подошла к зеркалу и приступила к работе. В «Ворошиловке» одним из профилирующих предметов было умение гримироваться, и я в нем сумела достичь, говоря без лишней скромности, очень неплохих результатов. По словам инструктора, я была лучшей в нашей группе. «Хамелеон» – так называли меня, и я очень гордилась этим прозвищем. Сняв одежду, я покрыла все тело специальным водоустойчивым кремом нежно-шоколадного оттенка. Затем немного потрудила над лицом и критически взглянула на свою работу в зеркало. Оттуда на меня смотрело отражение молодой и, по-моему, довольно симпатичной мулатки. Конечно, это была не совсем женщина восточно-африканского типа, скорее она напоминала темнокожую

девушку с островов Карибского бассейна. Но кто здесь мог знать такие тонкости? Как правило, все выходцы из стран Азии и Африки для русского человека были на одно лицо. Да и повода к серьезной маскировке не было. Не желая мучить лишний раз волосы, я решила обойтись без парика и только слегка завила их феном.

– Ну, что ж, получилось весьма неплохо, – сказала я сама себе, еще раз бросив оценивающий взгляд в зеркало, – в такую хорошенькую шоколадку можно и влюбиться.

– «Да будь я и негром преклонных годов, и то без притворства и лени...», – почему-то не совсем к месту всплыли у меня в голове строчки Маяковского – учить, как раз, мы собирались не русский.

Я надела короткую светлую майку, шорты, темные зеркальные очки, повесила на плечо сумочку и, сунув ноги в легкие летние кроссовки, вышла из квартиры. У меня было по-детски игривое настроение и желание подурачиться, да и мой ученик пускай поглубже «въезжает» в ожидающую его действительность. Не без оснований я полагала, что теперь моя внешность должна существенно облегчить ему данный процесс.

На лавочке у подъезда сидела тетя Мила и о чем-то говорила с соседкой. При моем появлении разговор неожиданно смолк, и они проводили меня долгим взглядом. Пройдя мимо, боковым зрением я заметила, что тетя по-прежнему сидит с открытым ртом, а соседка втихаря крестится, беззвучно шепча губами что-то типа «свят, свят, свят».

Я села в свой подержанный «Фольксваген» и выехала на улицу к киоску, у которого меня уже ждал Андрей. Я узнала его практически сразу, точнее, догадалась. Несмотря на свои двадцать четыре года, он выглядел несколько моложе и, по-видимому, представлял из себя будущий тип рассеянного ученого наподобие Паганеля из «Детей капитана Гранта». Ну что ж, как говорится, в психологию чаще всего приходят люди, имеющие собственные проблемы в этой сфере. Наверное, сначала они пытаются разобраться в чужих проблемах, чтобы потом легче было решать свои собственные.

Я проехала немного вперед, остановилась и посигналила ему. Он обернулся, быстро подошел, открыл дверь и наполовину уже сел, когда его взгляд встретился с моим лицом. Он тут же застыл, словно каменный, и его рот медленно раскрылся в изумлении. Я приветливо улыбнулась. Он же в ответ неожиданно дернулся, испуганно выпрямился, ударился головой об потолок и, схватившись за ушибленное место, снова плюхнулся обратно на сиденье.

– Ну, нельзя же так, Андрей, – засмеялась я. – Неужели я такая страшная? И для начала – здравствуй!

– Здравсьте, – на «автопилоте» ответил он.

– На, возьми-ка деньги и сходи купи бланк доверенности на машину в «Союзпечати», – протянула я ему мелочь.

– Ага, – неуверенно произнес он.

Но мелочь взял и, как зомби, пошел к киоску напротив. Вернулся он, уже практически полностью придя в себя.

– Здравствуйте, Евгения Максимовна, – сказал он, протягивая бланк. – Знаете, а отец не сказал, что вы – ... африканка.

– Нет, Андрей, – засмеялась я, – «мы с тобой одной крови – ты и я». И поэтому сейчас мы напишем доверенность на тебя, и вести машину будешь ты.

– Почему?

– А потому, что я еще не успела поменять фотографию на своих правах, и мне будет несколько затруднительно объяснить это, если наша доблестная ГИБДД заинтересуется подержанной иномаркой с мулаткой за рулем. Объяснить я, конечно, смогу, но, боюсь, что они мне не поверят. Кстати, надеюсь – ты не забыл свои права?

– Не-ет, – протянул он, уже восхищенно глядя на меня.

Мы поменялись местами и тронулись с места. Было решено отправиться на набережную и продолжить урок там. О том, что урок уже начался, я объяснила ему по дороге. Выслушав доводы в пользу моей нынешней внешности – как начало погружения в будущую языковую среду, он стал смотреть на меня почти влюбленными глазами и даже слегка приоткрыв рот. «Когда тебя слушают, открыв рот – это приятно...», – сразу вспомнились мне слова известного эстрадного артиста.

Для места первого занятия решено было выбрать небольшое уличное кафе в конце набережной под тенью старых каштанов. Места, разрешенного для парковки, поблизости не оказалось, и нам пришлось оставить машину на обочине дороги около небольшого старого парка и идти до набережной через несколько темных проходных дворов. Я взяла парня под руку и сказала:

– Ну все, Андрей: для начала забудь русский вообще, по крайней мере, со мной. Во-вторых, говорить станем только на суахили, а если что-то будет непонятно – спрашивай на английском.

– А это обязательно, сразу вот так? – растерянно спросил он.

– Да, Андрей. Есть такой жестокий, но действенный метод научить человека плавать – бросить его в воду. А там либо – пан, либо – пропал.

– А если я пропаду?

– Будем надеяться, что тебе удастся выплыть. В противном случае просто произойдет естественный отбор. Или, проще говоря, закон джунглей – выживает сильнейший.

– Итак, ты понял меня? – спросила я уже по-английски.

– О'кей, – задумчиво произнес он в ответ.

Мы гордо, рука об руку, зашагали по набережной. Точнее, гордо шагала я. Андрей был явно смущен. Похоже, несмотря на довольно симпатичную внешность и замечательную, немного детскую улыбку, у него были трудности в общении с противоположным полом. Вот и первый намек на психологические проблемы будущего специалиста по общению.

По дороге нам встретилось несколько пар и одиноких молодых людей, и каждый из них обращал на меня внимание, к явному неудовольствию женских половин, а один просто откровенно уставился, рискуя свернуть шею. Ну что ж, мужским вниманием я еще не обделена. Я была вполне удовлетворена произведенным эффектом. Буду надеяться, что это – заслуга моей фигуры и прочих достоинств, а не необычного для этих мест цвета кожи.

В кафе мы сели за дальний столик, и я с удовольствием вытянула ноги. Молоденькая официантка подошла к нам, бросила взгляд на меня и затем с интересом посмотрела на Андрея. Она была явно озадачена и не знала, как относиться к нашей паре и к кому обращаться. Я по-английски передала свой заказ Андрею: сухой «Мартини» и минеральная вода, а он его – официантке. Сам же заказал себе кофе. Из приемника за стойкой бойкий голос задорно пел: «Милый мой, твоя улыбка...». Я посмотрела на Андрея. Он улыбнулся в ответ. Его улыбка была очень красивой и чуточку наивной. Словом, она как раз подходила под несущуюся из радио песенку. Его улыбка действительно манила, по крайней мере, меня.

– Ну, с чего мы начнем? – озвучил он по-английски свой вопросительный взгляд.

– С самого начала – с ругательств.

– С чего? С ругательств?

– Да. Во-первых, это хорошо отражает дух нации. Так, в английском ругаются названиями животных, в немецком – сравнивая с человеческими отходами и другой грязью.

– А в русском?

– В русском у нас есть свой неопределенный и о-очень многозначительный артикль «бля», который мы употребляем довольно произвольно.

Подошедшая официантка, услышав единственное произнесенное мною русское слово, вздрогнула, и кофейная чашечка на ее подносе звякнула от неожиданного толчка. Она тороп-

ливо переставила все с подноса на столик и быстро ушла, бросив в мою сторону несколько неодобрительных взглядов через плечо. Скорее всего, она приняла услышанное в свой адрес. Что ж, наверное, у нее были основания для подобных подозрений.

По дороге мимо кафе проехал мотоцикл.

– Во-вторых, ты там сам скоро убедишься, что это – очень полезный навык, и умело, к месту вставленное ругательство на суахили в речи белого человека производит очень сильный эффект. И, потом, тебе это придется делать часто.

Вдруг мой внутренний сторож, или интуиция, или шестое чувство – называйте это, как хотите, неожиданно напрягся. У меня это случается, когда чужой взгляд вонзается в спину, и этот взгляд враждебен. Мой внутренний сторож иногда представлялся мне черным котенком, который шипел и выгибал спину. Сейчас он не успел толком выгнуться, а только вздыбил шерсть. Затем свернулся клубочком и улегся где-то глубоко в душе. Все продолжалось очень недолго, но это было. Я быстро обернулась. Мотоциклист притормозил недалеко от нас и смотрел на меня, точнее, сквозь меня. Его взгляд был устремлен на Андрея. Он снова набрал скорость и поехал дальше. По-видимому, в двигателе мотоцикла была какая-то неисправность, от чего он слегка позвякивал и создавал тем самым легкий непривычный тон. Впрочем, я не придавала всему этому никакого значения. Мы продолжали.

Первое выражение, с которым я решила познакомить Андрея, приблизительно переводилось как «бегемот, выпивший слишком много тухлой воды». Он старательно повторял его за мной.

– Ну, как? Получается? – спросил он по-английски.

– По-английски, во всяком случае, ты уже говоришь, как настоящий африканец, – засмеялась я.

– Так я к ним и еду, – весело ответил он. – Смогу я там сойти за своего?

– Конечно! Только тебя придется намазаться ваксой или сапожным кремом.

Мы сидели, упражняясь в суахили и остроумии, пока не начало темнеть, и язык Андрея стал заметно заплетаться. Что ж, на первый раз вполне достаточно. Мы расплатились, встали и пошли к оставленной машине. Я, как прежде, взяла его под руку. После вечера, проведенного вместе, его прикосновение стало чуточку теплее и более уверенным. Мы прошли через дворики и вышли к парку, когда шаги Андрея как-то замедлились. Затем он совсем остановился и, смущаясь, сказал:

– Спасибо, Евгения Максимовна. Когда мы встретимся в следующий раз?

– А ты уже покидаешь меня?

Кажется, мой вопрос окончательно смутил его. Он опустил глаза и неуверенно произнес:

– Я собираю материал для диплома, и мне надо тут, недалеко, встретиться...

Он говорил это с таким видом, как будто был вынужден врать, и данное обстоятельство чрезвычайно его огорчало. Неужели я ошиблась, и он собрался отправиться на свидание, только стесняется сказать мне об этом? Неужели я уже старею и теряю былую легкость? Эта мысль немного расстроила меня.

– Ну, задание у тебя есть. Позвони, когда будешь готов.

– Хорошо.

Мы попрощались. Он пошел обратно через дворики, а я некоторое время постояла на месте, что называется «в растрепанных чувствах». Мои мысли, как маленькие черные мышки, скачками и зигзагами носились в голове и искали выхода. Я тряхнула головой, собирая их в одно место, и уже намеревалась подойти к машине, как странный звук из подворотни привлек мое внимание.

Мой черный котенок в душе опять вскочил, выгнулся и яростно зашипел. Интуиция подсказывала близкую опасность. Я повернулась и быстрым шагом пошла обратно. Пройдя мимо мусорных баков и повернув в первую арку, я увидела четверых довольно здоровых парней и

моментам оценила обстановку: произошла потасовка, и Андрею удалось даже задеть одного из них – тот стоял, прикладывая руку к щеке. Но силы были явно неравны. Один, с ежиком темных волос, крепко держал его сзади и душил, обхватив предплечьем горло. Двое стояли сбоку, а державшийся за щеку – спереди. Все происходило внутри арки, прохожих никого не было, так что позвать на помощь было некого. Впрочем, это было совершенно излишне.

Передний оторвал ладонь от щеки и завизжал каким-то срывающимся животным визгом:

– Ну че, козел?! Попался!!!

Затем, коротко размахнувшись, ударил Андрея по лицу. Видимо, за несколько секунд до моего появления он получил аналогичным образом и теперь мстил с животной злобой, наслаждаясь беспомощностью жертвы. Голова Андрея мотнулась от удара в мою сторону, и он, увидев меня, попытался вырваться, но тут же был придушен сильнее. Тот, что был спереди, проследил его взгляд и обернулся в мою сторону.

– А ну вали отсюда, сучка! – закричал он мне.

Я молча ускорила шаг. Слышать угрозы мне было не в диковинку. Тогда он сунул руку в карман и резко выпрямился во весь рост, уставившись на меня маленькими, прозрачными, как студень, глазами. Тупое выражение микроцефала проступило на его лице. Сейчас он уже мог рассмотреть меня и, выхватив ладонь из кармана, закричал:

– Убью, тварь черножопая!

Занося руку для удара, он ринулся вперед на меня. Не прекращая движения, я слегка повернула корпус и быстро, но плавно подтолкнула его руку в сторону, изменив общее направление удара. Вместо моей головы его кулак встретил пустоту, и он, не в состоянии остановиться и удержать равновесие, со всего маху влетел кулаком, а затем и лицом, в стену. От удара брызнула кровь и что-то хрястнуло с противным болезненным звуком. Выпавший кастет жалобно звякнул об асфальт.

Парень сполз по стене и наконец осел на землю. На нем была черная майка с изображением насквозь проткнутого кинжалом черепа и английской надписью «лучше смерть, чем позор». Он сел, откинув голову на стену и, видимо, потеряв сознание. В наступивших сумерках проткнутый череп и английская «смерть» бледно отсвечивали серым цветом, как надгробная эпитафия.

Не прерывая движения, я успела сделать еще несколько быстрых шагов в том же направлении, когда второй, резко подавшись всем телом вперед и выдвинув челюсть, словно спринтер, рванул ко мне. «Ххх-а», – вылетело из его горла. В своем воображении он, видимо, рисовался себе кем-то вроде крутого Уокера. Я резко выбросила навстречу ему левую руку раскрытой ладонью вперед. Он, с разбегу ткнулся в мою ладонь лицом. С таким же успехом он мог попробовать протаранить столб. Воинственное «хха» не успело вылететь далеко изо рта и влетело обратно, запутавшись в зубах. От резкой остановки его голова мотнулась назад, но тело продолжало по инерции лететь вперед. В результате он грохнулся передо мной на колени и откинулся плашмя всем телом назад и вниз на землю, даже не поняв, что с ним произошло. Я задержалась лишь на мгновение и затем, оттянув носок, картинно перешагнула через него.

Одновременно с его падением третий верзила, который стоял перед Андреем, напрягся в коленках и, как по сигналу стартового пистолета, рванул прочь. Ну что ж, после этого позорного бегства я осталась один на один с последним громилой, душившим Андрея сзади. Ситуация, прямо скажем, не из лучших. Особенно, если учесть валявшийся недалеко кастет: вполне можно было предположить наличие у него какого-нибудь другого оружия – ножа или заточки, приставленных к спине Андрея.

Амбал словно услышал мои мысли, растерянно-удивленное выражение его лица сменилось наглой ухмылкой. Сбоку от Андреева плеча появилось широкое лезвие и стало демонстративно медленно приближаться к его шее. Расчет нападавшего был точен и верен: телом Андрея он прикрывался от меня, как щитом, а сбоку его закрывала стена. Через мгновение

нож будет вплотную приставлен к шее жертвы. Впрочем, нападавший не учел одного очень существенного момента: стоявшая перед ним чернокожая девушка на самом деле являлась Евгенией Охотниковой – профессиональным телохранителем с хорошим боевым опытом.

Его неосведомленность была моим преимуществом, и воспользоваться им нужно было немедленно. Теперь настала моя очередь издавать боевой клич. Необходимо было отвлечь его внимание и успеть обезоружить в течение этого короткого мига. Существовало два пути: внезапно крикнуть, но он, наверняка, на взводе и от неожиданности мог сделать резкое движение и поранить Андрея, второй – попытаться заговорить с ним, но тогда он успеет вплотную приставить нож к горлу, а по его лицу нельзя было сказать, что он склонен вести какой-либо диалог. К тому же, он мог быть просто обкурен или обколот. Все это в считанные доли секунды пролетело у меня в голове и выдало ответ: «Никаких переговоров с подонком!!!» Тут же само собой возникло решение: кричать, но не так, как это обычно делают женщины.

Моя гортань сжалась, легкие с нарастающей силой погнали через нее воздух, и на выходе получился какой-то по-настоящему африканский звук, наполненный девственной дикостью, бесконечной ненавистью и звериным торжеством. Наверное, со стороны я была похожа на черную дикую кошку перед прыжком. Во всяком случае, цели я достигла. По его мгновенно побледневшему лицу я поняла, что он испуган. В то же мгновение я с места прыгнула вперед и резко выбросила вверх левую ногу.

Носок легкой летней кроссовки ударил точно по основанию его ладони. Пальцы разжались, и, бешено кувыряясь, нож полетел в сторону. Но я продолжала лететь вперед, и Андрей был первым у меня на пути. Я, словно кошка, извернулась в воздухе, повернулась вокруг своей оси и левой рукой, как крылом ветряной мельницы, ударила противника по затылку. В целом, получилось что-то напоминавшее киношный удар Ван-Дамма. Только Клод бил ногой, заранее отретпетировав, а я – рукой и экспромтом.

Громила оказался в явном нокдауне, но горло Андрея не отпустил. Пришлось схватить его руку и заломить ее ему за голову. Все. Теперь можно слегка расслабиться. Парень был в классическом положении для броска, имеющего загадочное восточное название «ши хо наге», что означало «бросок на все четыре стороны света», и я могла его выполнить в любое время, в любом месте и в абсолютно любом состоянии. Этот прием позволял, держа противника только за кисть руки, легким нажимом поворачивать его в любую сторону от себя, чтобы закрываться как щитом и, в конце концов, действительно бросить в любую сторону.

– А-а-а-с-а, – затянул он на высокой ноте, пытаясь ослабить напряжение в вывернутой кисти.

– Что, больно, да? – с притворной заботой в голосе спросила я.

– А-а-а-с-с-а, – продолжал он, лишь совсем чуть-чуть изменив тональность в сторону повышения.

– Ты, наверное, хочешь сказать, что больше не будешь? – издевательски осведомилась я тем же голосом.

– С-с-с-а-у-у-к-а-а, – корчась, пропел он, не переставая извиваться и пытаясь вырваться.

Какой же настырный и противный народ эти мужики! Нет чтобы честно, с достоинством признать свое поражение! Так, нет – мужская гордость не позволяет им признаться в том, что побежден женщиной.

В этот момент, придя в себя после неудачного рывка, второй нападавший начал подниматься на ноги. Да и первый – в майке с черепом и гордым лозунгом «Лучше смерть, чем позор» – стал подавать признаки жизни. Я нажала еще раз на кисть последнего верзилы и, невзирая на его усилившееся завывание, повернула так, чтобы все трое оказались на одной линии, а затем действительно бросила его на «одну из сторон света». Точнее, в сторону оставшихся дружков. Его кроссовки лихо описали в воздухе пологую дугу, а корпус, грохнувшись, как пыльный картофельный мешок, снова посбивал на асфальт подельщиков. Парень был

самым высоким и тяжелым в своей компании и поэтому, падая, подмял всех под себя и образовал бестолковую куча-мала. В общем, картина – «Лев Толстой играет в городки». И, естественно, выигрывает.

В противоположной стороне арки появилась сгорбленная напряженная фигура какой-то старушки. Она остановилась, посмотрела слепыми глазами через толстые стекла очков и вдруг, заголосив, бросилась обратно. Ну вот, сейчас поднимет шум или начнет названивать в «Скорую», милицию или еще черт знает куда. К тому же существовал четвертый – улизнувший тип, и вполне вероятно, что он побежал за подмогой. В общем, было бы лучше побыстрее отсюда уйти. Как говорится в известной поговорке – «главное в нашем деле – это вовремя смыться».

Андрей сидел на корточках, прислонившись к стене. Я быстро подошла к нему, взяла за руку и рывком подняла на ноги.

– Ты как? – спросила я.

– Вроде ничего, – вяло ответил он.

Наверное, его хорошенько придушили – лицо оставалось багровым от неуспевшей отхлынуть крови, и он, видимо, еще не мог соображать нормально.

– Идем, – я устремилась к машине, почти таща его за руку.

Впрочем, на полпути он уже пришел в себя и шел рядом со мной сам.

– Ты способен вести машину?

– Да, наверное.

– Тогда – вперед!

Я отдала ему ключи и пропустила к передней дверке. Мы завелись и без приключений тронулись с места. Стало уже почти темно. Андрей вел машину уверенно, но по напряженной позе и сжатым пальцам мне было видно, что это происшествие достаточно сильно потрясло его. Я попросила его повернуть на окружную дорогу, где не было постов ГАИ, и остановиться. Достав из бардачка аптечку, сделала примочку со свинцовой водой на начинавшую опухать и багроветь щеку моего подопечного. Затем мы снова поменялись местами. Я села за руль и, бросив взгляд на Андрея, звонко рассмеялась.

– Ты чего? – удивленно посмотрел он на меня. – Да ничего, – продолжала смеяться я, – просто «ну и рожа у тебя, Шарапов».

Мне удалось отвлечь его от переживаний, и он улыбнулся в ответ.

– Ты их знаешь? – спросила я.

– Нет.

– Хорошо, а теперь, для закрепления, вспомни, что мы учили, и скажи о них все, что думаешь, – предложила я. Мало ли что и по каким причинам может произойти между молодыми парнями!

Наступила небольшая пауза, во время которой Андрей напряженно сосредотачивался на своих мыслях. Затем набрал в грудь воздуха и быстро выпалил на суахили почти без акцента:

– Бегемоты, выпившие слишком много тухлой воды!!!

– Отлично, коллега! Вы делаете потрясающие успехи. Как учитель, я горжусь вами!

До его дома мы ехали без приключений и весело переругивались на суахили. Очень скоро Андрей совсем освоился и произносил слова, как заправский абориген.

Дом, в котором жил Андрей, находился почти на окраине города. Я остановилась на обочине дороги, прямо напротив арки.

– Ну что? Пока?

– Да, до свидания, – неуверенно протянул он.

Его явно мучил какой-то незаданный вопрос. Помявшись немного, он наконец сказал:

– Спасибо, Евгения Максимовна. За все... А откуда вы умеете так ловко... Ну, я имею в виду тех парней?

Так вот, что так сильно мучило его!

– Не бери в голову. Просто я когда-то закончила в Москве курсы телохранителей и иногда этим подрабатываю.

– Ке-ем? Телохранителем?!

– Ну да. Разве ты не знал?

– Не-ет.

Огонек восхищения, уже один раз появлявшийся сегодня в его глазах, загорелся вновь. И он снова улыбнулся своей замечательной, чуточку детской и наивной улыбкой. Затем вышел из машины и пересек дорогу.

Я приготовилась уже трогаться с места, как неясное, глубокое и тревожное чувство, словно высоковольтные провода, загудело внутри меня. Черный котенок интуиции вновь напрягся. Я выпрямилась. Посмотрела в окно. Андрей почти перешел дорогу и скоро должен был шагнуть на тротуар. Я оглянулась назад. Из-за угла дома выехал мотоцикл и резко набрал скорость. Он двигался в нашу сторону. Естественно, я не могла разглядеть его водителя. Только неопределенный темный силуэт. Яркий свет вспыхнувшей фары быстро пронзил темноту и сразу угас. И шум двигателя. Шум... Шум! Моя мысль словно поскользнулась на чем-то и затем резко выбросила меня из машины на дорогу. Этот шум, точнее легкое позвякивание, я уже слышала сегодня на набережной, и тогда мой «котенок» тоже предупреждал меня!

Я бросила взгляд вперед – спина Андрея слегка вырисовывалась в темноте на краю дороги. Он спокойно шел, не оборачивался и ничего не подозревал. И не мог подозревать. Я уже твердо знала, что мотоцикл едет на него! Я отчаянно крикнула. Андрей затормозил свое движение и стал медленно поворачиваться. Слишком медленно!!! Мотоцикл был совсем рядом и вот-вот должен был его сбить.

Я резко рванулась вперед. Все вокруг перестало существовать, кроме фигуры Андрея и переднего колеса мотоцикла. Время застыло и оглохло, как телевизор с выключенным звуком. Я летела, словно брошенная катапульта. Это было чудо. Во всяком случае, я потом никогда не могла объяснить успех своего прыжка. А сейчас я, в буквальном смысле слова, пролетела перед самым рулем мотоцикла и успела резко толкнуть Андрея в спину. Он вылетел на газон, а я кубарем покатила за ним. От соприкосновения с землей снова включились звуки мира и оглушили меня ревом мотоциклетного двигателя. Водитель не собирался мириться с неудачей и разворачивал своего железного коня на второй круг. Я вскочила и снова прыгнула ему навстречу. И наверняка сбита бы его с седла, но он вовремя дернулся в сторону, и я вместо этого полетела на дорогу. Приземление не было мягким, но что-то, а падать я умела и не боялась.

Мы больше опасаемся своей боли, чем страдаем, испытывая ее. Этот страх сковывает нас и загоняет в шок. Почти всегда при травмах люди гибнут не от «несовместимых с жизнью повреждений», а от шока, отец которого – страх. Сколько раз многие из нас видели, как пьяный человек оставался жив там, где трезвый обязательно погибал! А все потому, что пьяный не боится, он принял лекарство против страха заранее.

Я не боялась – меня отучили от этого еще в «Ворошиловке». Отлично помню первое упражнение – падение на стуле назад. Инструктор сидел на высоком стуле, прижавшись к спинке, и раскачивался все сильнее и сильнее. При этом он философски рассуждал, обращаясь то ли к нам, то ли сам к себе: «А чего мы боимся, в самом деле? Ведь пол не так уж далеко... и если падать назад, то спинка стула не даст нам сильно ушибиться... а голова инстинктивно подогнется сама... и если сзади нет торчащих предметов или ямы, то страшного в этом абсолютно ничего нет». Заканчивались слова сильным качком назад и специально усиленным грохотом падения на пол – инструктор имел мощную фигуру и вес около ста килограммов. Впрочем, он тут же поднимался с широкой улыбкой циркового акробата.

Я быстро вскочила на ноги и приготовилась встретить новое нападение. Но, видимо, мотоциклист понял, что в этот раз может не увернуться и решил не искушать больше судьбу. Набирая скорость, он помчался в сторону окраины. Я подбежала к лежавшему на газоне Андрею. Мой толчок и его падение были слишком резки и неожиданны для него. Он медленно сел и посмотрел на меня диковатыми глазами нокаутированного боксера:

– Евгения Максимовна, что это было?

– Все хорошо, Андрей, – ответила я, быстро ощупывая все его кости и суставы, – просто тебя хотели сбить, но все обошлось.

– Почему?

– Почему обошлось?

– Нет, почему меня хотели сбить? Что им от меня нужно?

– Ну, мне кажется, ты должен знать это лучше меня. Вспомни, кому ты насолил до такой степени.

– Я не знаю. У меня никогда не было ничего похожего.

– А о чем вы говорили в арке?

– Они ничего не сказали, кроме того, что я наконец-то попался. Точнее, не успели больше ничего сказать – появились вы.

– А-а, значит, я прервала беседу в самом начале, и теперь ты даже не знаешь, что их заинтересовало, – философски констатировала я.

– Это не страшно. Не укоряйте себя. Думаю, что вряд ли они хотели осведомиться, почему нынче хлеб в Тамбове или что-нибудь в этом роде, – попытался пошутить Андрей.

– Видимо, мне стоило слегка подзадержаться: тогда бы мы знали, чего они хотят.

Однако пора уже было идти домой. Я помогла парню подняться, отряхнуться и поправить одежду. Затем заперла машину и проводила его до дверей квартиры. Квартира находилась на восьмом, предпоследнем, этаже дома, лифт уже не работал и пришлось идти пешком.

Жилище Андрея было совершенно обычной «двушкой» со следами недавних сборов в дорогу: в коридоре и в одной из комнат стояло несколько огромных турецких синтетических сумок, наполненных, видимо, вещами, подлежащими последующей отправке. Такие сумки пользовались бешеной популярностью у челноков и за свою потрясающую вместимость назывались «мечтой оккупанта». Уловив направление моего взгляда, Андрей пояснил:

– Это, в основном, зимние вещи, которые надо отвезти к деду в Озерск. Вы же знаете, я скоро тоже уеду, квартира пустая. Дед, конечно, будет приезжать поглядывать за ней. Но все же...

Я, конечно, понимала, что шуба в Танзании выглядела бы несколько экстравагантно и поэтому в знак согласия утвердительно кивнула головой.

– Евгения Максимовна...

– Зови меня просто Женя, – перебила я его. Нам предстояло встречаться еще не один раз, и эти условности начинали мне надоедать.

– Женя, – слегка запнувшись, начал Андрей, – что вы... или надо на «ты»?

– Не только – надо, а можно и нужно, – улыбнулась я. Все-таки он был симпатичным, и его вежливая непосредственность очаровывала. Не исключено, что в будущем он будет так же галантен, как его родитель, Валерий Павлович.

– Женя, можно я вас, то есть тебя, угощу кофе?

– Конечно, можно. Но сначала я бы предпочла ванну или душ.

– Конечно, конечно, – засуетился Андрей и пошел показывать мне ванну, а затем принес из комнаты халат.

В ванной я достала из сумочки тюбик со специальным кремом, смазала им все тело и встала под теплые струйки душа. Окрашиваясь в светло-коричневый цвет, вода смывала мою негритянскую «кожу». Я намочила волосы, высушила их полотенцем и затем взглянула в зер-

кало. Я снова была собой – двадцативосьмилетней Женей Охотниковой, девушкой, на которую все еще заглядывались на улицах мужчины. Запахнув халат, я вышла из ванной и прошла в комнату. При моем появлении сидевший в кресле Андрей вновь раскрыл рот, как и при первой нашей встрече в машине.

– Что? В черном варианте я выгляжу лучше? – поинтересовалась я.

– Нет. Женя, вы такая... – после этого он промычал что-то неопределенное и сделал рукой в воздухе волнообразный жест, который, по-видимому, на его взгляд, с самой лучшей стороны должен был охарактеризовать все мои женские достоинства.

Ну что ж, не совсем красноречиво, но, учитывая пережитое им сегодня, весьма недурно. И довольно приятно. Я села в соседнее кресло, взяла чашку с приготовленным во время моего пребывания в ванне кофе и сделала глоток необычайно ароматного напитка. Андрей старательно избегал встречаться со мной взглядом, но я замечала, что украдкой он поглядывал на меня. Однако он не только рассматривал мою новую – настоящую внешность, но и явно хотел что-то спросить.

– Женя, ты можешь сказать что-нибудь про все это? – наконец начал он, после краткого обмена ничего не значащими фразами.

– А что именно тебя интересует?

– Ну, почему все это происходит.

– Андрей, ты, конечно, можешь связать все сегодняшние злоключения с моим появлением. Но я вроде бы еще никому не приносила несчастья. Даже наоборот – многих только спасала от неприятностей именно такого рода.

– Нет, не подумай, я не хочу сказать, что все из-за тебя. Ты ведь дважды помогла мне. Без тебя я, наверняка, очутился бы в больнице, а не пил сейчас кофе, – горячо заговорил он. – Просто я подумал, что если ты работала телохранителем, то сможешь мне что-нибудь подсказать. Например, из-за чего чаще всего происходят такие вещи.

– Если смотреть в корень, то причин всегда было всего три: власть, деньги, женщины.

– И какая из них может присутствовать в моем случае?

– Давай попробуем рассуждать методом исключения. Власть, скорее всего, не подходит – у тебя ее нет, и твоя смерть, или болезнь никому ее не добавит. Имеешь ли ты или имел девушку, за которую тебе могут мстить таким образом?

Андрей отрицательно покачал головой.

– Ну, если ты так категоричен по данному вопросу, – здесь я поймала себя на мысли, что ответ Андрея почему-то доставил мне удовольствие, – то...

Неожиданно воздух резко и неприятно взорвался телефонным звонком. Андрей встал, не спеша подошел к телефону в коридоре и взял трубку.

– Алло, – сказал он и добавил через секунду, – что вам от меня нужно?

Далее он не произнес ни слова. Я напряглась и, отставив чашку с кофе, вышла в коридор. Он стоял молчаливый и растерянный. Трубка в его руке издавала частые короткие гудки.

– Кто звонил? – спросила я.

Он молчал. Я подошла и положила ладонь на его плечо. Реакции – никакой. Пришлось резким движением хорошенько встряхнуть его.

– Он сказал, что это было последнее предупреждение, – наконец-то с усилием выдал Андрей из себя.

– Кто он? – в очередной раз пришлось спросить мне.

– Не знаю, – в очередной раз ответил Андрей.

– Это все?

– Нет. Я спросил, что ему надо...

– Ну и?

– Он сказал, что если я не перестану корчить из себя идиота, они завтра поговорят со мной совсем по-другому.

– Женя, – смущенно посмотрев мне в глаза, начал Андрей после короткого неловкого молчания, – можно вас попросить о помощи? – он опять перешел на «вы».

– Что ты конкретно имеешь в виду?

– Не могли бы вы охранять меня?

Вообще-то, я была на каникулах, но не оставлять же сына спасителя моей тетушки в беде! Особенно, если представить, какое у нее будет лицо, когда она узнает о моем отказе. Да и если пойдет так дальше, я могу лишиться выгодного и, самое главное, уже оплаченного ученика. В общем, я была просто обречена на то, чтобы согласиться. Мы вернулись в комнату к столику с кофе.

– Итак, Андрей, ты хотел бы иметь в моем лице, кроме репетитора, еще и охранника?

– Да. Я, конечно, понимаю, что это стоит дороже уроков. Но отец оставил мне деньги. На мороженое, как он говорит.

Юноша назвал оставленную ему сумму. Она была совсем неплоха. Во всяком случае, мороженое ему в одиночку пришлось бы есть довольно долго.

– А почему так много? – поинтересовалась я.

– Ну здесь еще и на билет в оба конца, на непредвиденные расходы и на подарок мне ко дню рождения. Так вы согласны?

Я вновь представила умоляющее и огорченное выражение лица тети Милы, которое мне пришлось бы увидеть в случае моего отказа, и согласно кивнула в ответ. Обсуждение финансовых вопросов не заняло у нас много времени.

– Только давай договоримся, что теперь трубку буду брать я.

– Хорошо, – согласился он.

– Итак, начнем с самого начала, – продолжила я, беря чашку с уже остывшим кофе, – ты не знаешь, кто тебе звонил, кто нападал на тебя и кто – а, главное, за что – пытался тебя сбить на мотоцикле?

– Совершенно, – помотал он головой в ответ.

– Может, у тебя есть какие-нибудь догадки или предположения? – продолжала настаивать я.

– Никаких. А вдруг, это все – просто случайность?

– Мне очень жаль, Андрей, но, боюсь, что вряд ли. Согласно моему опыту, случайность имеет право на существование. Но в твоём случае явно просматривается закономерность. Непонятная пока ни тебе, ни мне. И эту закономерность необходимо понять. Значит, у тебя нет ни врагов, ни повода, из-за которого кто-нибудь хотел бы тебе отомстить?

– Нет, – довольно уверенно заявил Андрей после короткого раздумья.

В коридоре снова зазвонил телефон. Правда, звук его не был столь резок, как в прошлый раз. Андрей подался с кресла вперед, чтобы подойти, но я остановила его жестом и встала сама. Подойдя к аппарату, я некоторое время не брала трубку, чтобы удостовериться, что звонок не прервется. Он не прерывался. Тогда я резко сорвала трубку и поднесла к уху. В трубке была лишь зловещая тишина.

– Ну, черт возьми, может, вы наконец скажете, какого дьявола вам надо? – на высоких тонах бросила я в трубку.

– Женя? Это ты? Что у вас случилось? – раздался наконец взволнованный голос тети Милы.

Удивлению моему не было предела. Мы тут сидим «на нервах», не зная, чего и откуда ожидать, как вдруг вместо таинственных угроз я слышу голос своей тети! Прямо сцена из французской комедии!

– Тетя!? Да, это я. Но почему ты звонишь сюда?

– Женечка, разве ты не помнишь, что сегодня мы собирались поужинать вместе? Я приготовила свой фирменный торт. А что у вас там происходит? Тебя уже так давно нет. Я решила позвонить.

Ну что ж, тетушкина забота была необыкновенно трогательна. Причем, именно в данный момент.

– Ничего особенного, тетя. Просто теперь я работаю с Андреем по интенсивной программе. Это новая методика. Поэтому я буду пока подолгу задерживаться у него. Может, даже и по ночам.

– У вас точно все в порядке? – недоверчиво спросила тетя Мила еще раз.

– Ну конечно, – заверила я ее.

Ах, моя милая тетушка! Твоя племянница уже большая девочка. И уж что-что, а выпутываться из неприятностей давно стало ее профессией. Наверняка, Мила не совсем поверила мне, но мой уверенный голос вселил в нее некоторое спокойствие.

– Значит, ты не сможешь прийти на торт?

– Нет, тетя. Но если хочешь, мы придем завтра с Андреем.

Тетя Мила радостно согласилась. Я же вновь вернулась к нашему прерванному разговору с Андреем. Он никак не мог даже предположить о возможных причинах, которые могли бы привести к сегодняшним событиям. Власть и женщин мы уже отвергли, врагов он не имел, круг общения, в основном, ограничивался однокурсниками и касался, как правило, лишь тем психологии. Коммерческую деятельность он не вел, наследство ему не светило, при живом-то отце. Стоп! Отец... Может, в отце, точнее, в его новой работе заключается причина преследований сына?

– Андрей, а Валерий Павлович случайно не говорил тебе, какая у него зарплата? То есть, сколько он зарабатывает?

– Почему же? Конечно, говорил.

– И сколько? – поинтересовалась я.

Названная Андреем сумма месячного оклада по российским меркам была действительно впечатляющей. А ведь за границей, даже в Африке, широко практикуется система бонусов, то есть по-русски премий, и многих других льгот и выплат. Разумеется, это ни в коей мере не перекрывало риска подхватить тропическую лихорадку или еще какую-нибудь из «прелестей» африканского континента, но для русского доктора это было просто состоянием... И возможной причиной преследования его сына.

– А что? Ты полагаешь, что это и привело к сегодняшним событиям? – спросил Андрей.

– Ни ты, ни я не знаем ничего точно. Но на настоящий момент это – единственная более-менее правдоподобная версия. И твои деньги на мороженое тоже. Пока у нас нет ничего более существенного. И как долго тебе предстоит быть здесь? Я имею в виду до отъезда.

– Еще пару-тройку недель. Мне надо собрать материал для дипломной работы и завершить ее.

– Ну что ж, за пару-тройку недель мы, я думаю, сумеем разобраться и отвадить твоих врагов. Будем надеяться, что это были не совсем профессионалы. А теперь, наверное, нам обоим пора спать.

– Женя, а вы будете спать здесь? – от удивления его глаза широко раскрылись.

– Конечно. Иначе как же я смогу обеспечить твою безопасность? Не забывай о том, что им известно, где ты живешь, и что с завтрашнего дня тобой обещали заняться более серьезно.

Похоже, мои слова и перспектива совместного проживания смутили Андрея. Хотя не исключено, что ему пока не приходило в голову, что его могут «достать» в собственной квартире.

– Ну, если это так необходимо, – неуверенно, глядя вниз, начал он.

– Да, это действительно необходимо, можешь положиться на мой профессиональный опыт. Если ты думаешь, что я ограничу твою свободу, то можешь не беспокоиться – ты все будешь делать, как обычно, просто рядом незаметно буду находиться я. И если тебе будет необходимо кого-то пригласить, хоть на ночь, можешь делать это совершенно спокойно, не принимая меня во внимание.

Мне не впервые приходилось охранять людей, находясь рядом с ними круглосуточно. Каждый раз это воспринималось по-разному: от недопонимания – в начале – и негативной бурной реакции со стороны родственников и других близких, до отчаянного нежелания самого клиента отлучиться куда-либо без моего самого близкого присутствия. В общем, для меня это не было ново. Однако здесь, кроме обычного первого удивления, явно таилось что-то еще. Я не могла понять, что именно, а Андрей постоянно избегал прямого взгляда, и его «зеркало души» большую часть времени отражало пол и ковер на нем, а не меня. Возможно, за этим что-то таилось. Впрочем, давно перевалило за полночь, и действительно неплохо было бы пойти спать.

– Итак, надеюсь, что я убедила тебя, и ты покажешь мне мое спальное место? – спросила я.

– Конечно, конечно, – снова засуетился Андрей. Мне даже показалось, что он рад такому повороту событий.

Мне было отведено место на диване в меньшей, довольно уютной комнате. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим койкоместам. Я выключила свет, подошла к окну, отодвинула штору и посмотрела наружу. Вместе с темнотой пришла приятная прохлада. Где-то далеко старательно заливалась трелью какая-то птица. Было необычайно хорошо, и из моей груди непроизвольно сам собой вырвался вздох. Недолго думая, я сняла с себя халат и всю остальную одежду. Я испытывала страстное желание лечь нагишом между двумя простынями. Состояние не очень-то подходящее для телохранителя при исполнении. Тем не менее, справедливо рассудив, что в случае необходимости майку и шорты я всегда успею быстро надеть, я положила их рядом, и с наслаждением вытянулась между двух простыней.

Сразу заснуть не удалось. События сегодняшнего дня упрямо продолжали лезть в голову. И хотя я, конечно, могла волевым усилием прекратить бег непослушных мыслей и заставить себя уснуть, но внутреннее чувство почему-то останавливало меня от этого шага. Мысли кружились в полном беспорядке, как стая вспугнутых птиц. Они были неопределенно-бесформенными, но колючими, словно маленькие иголки. А одна, холодная и безмолвная, неподвижно затаилась в темном углу мозга. Она-то никак и не давала мне покоя. Почему Андрей часто избегает впрямую встречаться со мной взглядом? Что за этим кроется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.